

СЕРГЕЙ
СИДОРЕНКО

В ЭПОХУ
ПЕРЕМЕН

Сергей Сидоренко

**В эпоху перемен.
Мысли изреченные**

«Алисторус»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Сидоренко С. Н.

В эпоху перемен. Мысли изреченные / С. Н. Сидоренко —
«Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-31-5

Книга «В эпоху перемен» посвящена судьбе Русского мира в нынешний «переходный период». В книге содержится попытка ответить на главные вызовы, с которыми сталкивается сегодня Русский мир. Особенностью книги является то, что это взгляд из нового «зарубежья» - с Украины. Значительная часть книги посвящена Украине. Это своего рода «летопись» того, что после 1991 года происходило на Украине: заметки о судьбе недавно еще русского народа, населяющего древнюю русскую землю, в центре которой стоит Киев, «мать городов русских», - народа, над которым с начала XX века, и особенно в годы «украинской независимости», проводится беспрецедентный эксперимент по изменению его духовного облика, превращению его в иной, нерусский (и даже антирусский), народ.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-906979-31-5

© Сидоренко С. Н., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

От автора	5
Еще от автора	6
I. О России	7
II. Коммунистический соблазн	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Сидоренко

В эпоху перемен. Мысли изреченные

Всем жертвам «эпохи перемен» посвящается

«Самое большое несчастье – жить в эпоху перемен».
Древнее китайское изречение

*«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир».*

Тютчев, «Цицерон»

От автора

Знаменитые тютчевские слова «мысль изреченная есть ложь» можно трактовать двояко. Их можно понимать как указание на несовершенство человеческого слова, которое не в состоянии передать всю глубину и оттенки мысли. (Как выразился однажды Набоков: «Я мыслю как гений, я пишу как выдающийся писатель, и я говорю как дитя»).

На это в первую очередь и указывает Тютчев в своем «SILENTIUM»:

*«Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи».*

Однако «мысль изреченная есть ложь» еще и потому, что для испорченной человеческой природы слово – это орудие намерения, средство осуществления какой-либо цели – стало быть, «ложь».

Человек молчащий правдив. Ему от других ничего не надо. Человек же, пускающийся в сочинение слов и в их «обнародование», надеется чего-то этим добиться. В этом смысле тютчевское «мысль изреченная есть ложь» дополняется рубцовским стихотворением о «Добром Филе»:

*«Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя, что молчаливый?
– А о чем говорить?»*

Замечу, правда, что намерения, орудием которых выступают слова, могут быть и благими, если они следуют в русле того Слова, которое было Вначале. В этом случае роскошь молчания можно позволить себе лишь тогда, когда «мир такой справедливый». Если же нет, то приходится прибегать к несовершенным словам – «мыслям изреченным»...

Еще от автора (по поводу формы написанного)

Предлагаемая читателю книга обязана своей формой, прежде всего, украинской «свободе слова», которую власти новоиспеченного украинского государства на протяжении всех лет его существования привыкли превозносить как чуть ли не главное свое достижение. Содержащиеся в ней тексты, по сути своей, есть не что иное, как зародыши (или, по терминологии Розанова, «эмбрионы») более обширных произведений, которые в условиях этой самой «свободы слова» не имели шансов на то, чтобы быть опубликованными.

Все это тем более странно, если учесть то обстоятельство, что по своему идейному направлению мои писания не представляют собой ничего из ряда вон выходящего. Они всего лишь следуют в русле русской православной идеи, начавшей свою историю именно на земле нынешней Украины и создавшей нашу великую тысячелетнюю цивилизацию, которая распространилась на шестую часть суши и от ценностей которой мы, если не собираемся завершать свое историческое бытие, не имеем права отказываться. И тем не менее в сегодняшней «независимой Украине» из всего навязанного нам партийного спектра нет ни единой партийной силы и, соответственно, «партийного органа», которым пришлось бы ко двору мои сочинения на украинские темы.

Начав писать в таком роде и не имея надобности разбавлять свою мысль до требуемого редакциями формата, я впоследствии и на все другие, даже «дозволенные» темы (и на темы, не связанные с Украиной) стал откликаться подобным образом.

І. О России

* * *

УХОДЯЩАЯ РОССИЯ (вместо предисловия). В дни неоспоримого и чуть ли не окончательного исторического торжества Западного мира и сокрушительного поражения России писать о каких-либо недостатках Запада, противопоставляя ему достоинства России, непросто.

Тем более что само по себе восхваление своего и порицание чужого вряд ли плодотворнее и нравственно предпочтительнее критики собственных недостатков. Подобная критика всегда воспринималась в русском обществе с большим сочувствием: недовольство собой, стремление к совершенствованию, искание идеала – вообще отличительная черта русского национального характера.

Однако сегодня, когда происходит тотальное наступление на Россию, когда одни, с самодовольной ослеплённостью победителей, другие – торопясь воспользоваться моментом, заняты делом вытеснения России на «задворки истории», – опасность впасть в самохвальство отодвигается на задний план.

Наверное, где-нибудь в глубине необъятной России или в ее столице все эти страхи и могут показаться надуманными, так что можно еще позволить себе беспечность и плюралистическое отношение к происходящим в последние годы процессам, воспринимая их в качестве «становления демократии». Но на российских окраинах (бывших уже окраинах) «упразднение России» и всего русского происходит у всех на глазах. Поэтому у тех, кто любит Россию и кому выпало воочию теперь наблюдать, как Россия безвозвратно уходит, мироощущение, далекое от плюралистического.

Предлагаемые читателям суждения – это в некотором роде взгляд со стороны (что, кстати, избавляет от возможных упреков в восхвалении своего). Это попытка – вслед уходящей России и на фоне сменивших ее альтернатив – сказать о самых дорогих и важных ее чертах.

И в первую очередь о той черте, которая у многих вызывает презрение, дав повод «остроумно» заметить, что на русском языке все нации – немцы, буряты, японцы, финны... – имена существительные, и только одна нация – русские – прилагательное; и которая, в восприятии других, делает Россию страной особенной. Речь идет о жертвенности русских людей, их способности к преодолению национального эгоизма (конечно, и в России есть свой национальный эгоизм, и в последние, кризисные, годы он набирает силу, но эгоизмами сегодня вряд ли кого удивишь).

Если вспомнить о том, что доминирующая в нынешнем мире цивилизация считается цивилизацией христианской, а христианам надлежит стремиться подражать Христу и исполнять Его заповеди, то нельзя не признать, что судьба России (даже и в последнем XX столетии, когда русский народ не раз приносил себя в жертву остальному человечеству) очень часто приближалась к тому, чем должна быть подлинно христианская судьба. Ведь жертвенность, служение ближним есть именно то, с чем пришел в этот мир Христос и что завещал своим последователям.

Конечно, в наши дни говорить о жертвенности, отказе от своего ради всеобщих целей – как о некой «национальной идее» для целого народа, побуждая его следовать такому предначертанию, – вряд ли возможно. Однако именно отступление от этих духовных принципов, переход к эгоистическому мировосприятию и поведению, в конце концов, привели Россию к нынешней катастрофе. В любом случае нельзя не воздать должное уникальным, неповторимым качествам русского народа, ярко проявившимся и в трагическом XX веке, особенно на

фоне беспросветного национального эгоизма больших и малых наций, причисляющих себя к христианам.

(1998)¹

* * *

БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ. Василий Ключевский в I томе «Курса русской истории» писал: «Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказалась продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в домашней обстановке».

Упомянутая Ключевским русская национальная черта – «равнодушие к домашнему благоустройству» – объясняется главным образом православной верой русского народа, присущими православному человеку устремленностью к идеалу и несогласием довольствоваться меньшим – земным благополучием (как на Западе). Разрыв между идеальным и действительным породил многие противоречия в русской жизни. Можно предположить, что основными причинами «переселенческой бродячести» и «хронических пожаров» были, скорее всего, причины политические: многочисленные войны, междоусобицы, разного рода гонения, то есть политическая нестабильность и беспокойство русской жизни. Все это и сформировало характер русского народа. По этой причине усилия русских людей выразились более в «слове» – в духовной, идеальной сфере (в религиозных исканиях, в литературе...), нежели в «деле» – то есть в сфере материальной.

Однако усиление экономической составляющей в жизни русского общества, воцарение в стране стабильности и покоя неизбежно повлекут за собой переключение внимания и усилий русских людей с области духовной в область материальную, благодаря чему отличительная русская черта – склонность к идеальному творчеству – постепенно будет вымываться из национального характера. С изменением ситуации в сторону стабильности станет мельчать источник, питающий русскую духовность.

Обращаясь к вопросу о русском национальном характере, нельзя пройти мимо давнишнего спора, когда одни, большинство, полагали и полагают, что характер этот отличается религиозностью, тогда как другие (Белинский, Писарев, и их последователи) утверждали, что для русских характерно «здоровое неверие».

На самом деле правы и те, и другие: русским действительно присущи и идеализм, и неверие. И противоречия тут нет: идеализм русских в значительной степени объясняется их неверием – неверием в опору на материальную сторону жизни, что отличает их от людей Запада, которые веруют в первую очередь в материальное благополучие и в Бога, воспринимаемого ими в качестве охранителя этого благополучия.

Русские многократно убеждались в иллюзорности надежд на благополучие. И потому делали ставку на вечное, непреходящее, а не на то, что в условиях русской жизни становилось слишком уж преходящим, так что теряло всю свою привлекательность. В самом деле: стоит ли строить, копить и так далее, если это все равно разрушат или отберут... Западный же

¹ Годы написания «мыслей» указаны потому, что зачастую эти «мысли» являлись своеобразным откликом на те или иные значимые события; в остальных же случаях годы указаны ради единства формы, из-за чего вся эта датировка иногда напоминает надписи гоголевского Ивана Ивановича, который, после того как съедал дыню, имел обыкновение собирать ее семена в особую бумажку и затем требовать нести ему чернильницу, чтобы собственной рукою начертать надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа».

человек, ставя на благополучие, может спокойно плыть до самой старости, оставаясь при своем убеждении и утешаясь им, и лишь на пороге смерти обнаружит, что все его материальное достояние, которому он посвятил свою жизнь, – в сущности, ему и не надо...

(1993)

* * *

МНОГООБРАЗИЕ. Многие трудности России происходят оттого, что в ее духовном пространстве одновременно присутствуют, наслаиваясь друг на друга, различные духовные сущности.

Россия – это одновременно страна, которой выпало исполнить всемирную православную миссию; это и империя, взявшая на себя ответственность за судьбу многих народов; и национальное государство русских; и даже малоприспособленное обиталище, где пытаются наладить свои «единственные и неповторимые» жизни всевозможные европейски ориентированные индивидуумы, поминутно раздражающиеся некомфортностью русской жизни.

А потому на обширном русском пространстве одновременно уживаются и те немногочисленные подвижники, которые несут на себе всю тяжесть русской миссии, и те, кому до всего этого нет никакого дела, и те, кого необыкновенность России и непредсказуемость русской жизни лишь озлобляет.

Вдобавок Российское государство последних столетий – не совсем русское по своему построению и по своей сути, так как в свое время было переделано Петром I по западному образцу. Правящий класс России, официальная российская элита, будучи образованы и воспитаны по-европейски, не понимая исключительности и особенностей своей страны, не очень-то пригодны к тому чтобы выполнять задачи, стоящие перед Россией. Более того, они не делают даже ту малую работу, которую выполняет элита в обычных странах, и являются, как правило, лишь бесполезной ношей, которую вынужден нести на себе русский народ. И потому так часто многое из того великого, что совершалось в России, было совершено не при помощи управляющих Россией государственных структур, а вопреки им.

Все эти переплетения и несоответствия приводят к тому, что в русской жизни можно одновременно наблюдать величайшие духовные взлеты и почти первобытную дикость.

(2007)

* * *

ХРИСТИАНСКИЕ ЧЕРТЫ. Главные отличительные черты русского народа – смирение и жертвенность – соответствуют тем двум видам любви, к которым сводятся десять Заповедей Господних, – любви к Богу и любви к ближнему. Ведь смирение – это как раз то чувство, которым человек должен отвечать на все, что ниспослано ему Господом, а жертвенность является высшей формой любви к ближнему.

(2008)

* * *

«МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ» И «МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК». Народы всегда боролись за «место под солнцем», за жизнь в комфортном климате, культивируя в себе необходимые для этой борьбы хитрость, жестокость, коварство. И побеждал тот, кто более других сформировал в себе необходимые для этой борьбы качества.

Русский народ получил другое воспитание. Вместо «борьбы за существование» у теплых морей он занял менее пригодные для жизни земли, воспитав в себе качества, позволяющие жить в трудных условиях и с достоинством выносить выпадающие на его долю испытания.

(2009)

* * *

СЕВЕР И ЮГ. Северная ветвь русского народа – великороссы – стали, в конце концов, во главе русской жизни. Это произошло не в последнюю очередь потому, что суровые, жесткие, часто экстремальные условия жизни в северном крае сформировали у них особые человеческие качества – терпение, нестяжательство, смирение, готовность к взаимопомощи, и выковали способность к жертвенности и к подвигу. Эти черты сделали великороссов более других готовыми к восприятию Христовой Истины. И именно эти качества позволили великороссам возглавить создание величайшего в мире государства и нести на себе тяготы по его сохранению.

Тогда как у южных русских (называемых сегодня «украинцами»), – индивидуалистические наклонности которых часто толкают их на отрыв от общерусского монолита, – эти же наклонности не позволяют создать сколько-нибудь прочное самостийное государство, потому что оно неизбежно превращается в арену для столкновения эгоизмов, рано или поздно раздирающих его на части.

(2008)

* * *

«РУССКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ». О характере продвижения нашего народа по всем направлениям его «экспансии» в значительной степени дает представление тот стиль поведения русского человека, который запечатлен в произведениях русской культуры, начиная уже с русских сказок. В русских сказках очень часто воспроизводится ситуация, когда некий «добрый молодец», встречаясь на своем пути с разными сказочными персонажами, терпящими какие-то свои затруднения, бескорыстно им помогает, а после, в трудную для него минуту, эти сказочные персонажи приходят ему на помощь.

Подобным же образом ведут себя и многие персонажи произведений русской литературы. Вспомним хотя бы Жилина из толстовского «Кавказского пленника».

И этот же, христианский по своей сути, стиль поведения русского человека повторяется даже в эпоху официального гонения на христианскую веру – в поступках главных героев многих культовых советских фильмов. Достаточно вспомнить снискавший восторженные отзывы по всему миру фильм «Баллада о солдате» или фильм «Белое солнце пустыни» – чрезвычайно популярный в нашей стране...

Все это свидетельствует об изначальной предрасположенности русской души к богоугодному отношению к ближним. Но именно крещение в днепровской купели и обретенная посредством этого крещения христианская вера позволили нашему народу получить Высшее Благословение и благодатную форму для проявления этого богоугодного устремления русской души.

Конечно, подобный метод «экспансии» Западу «умом не понять»: он недоступен тому, кто взирает на другие народы гордым, надменным взором и видит в них лишь объект для порабощения, кто изначально настроен на то, чтобы не отдавать, а брать, и привык воспринимать ближних корыстно...

(2013)

* * *

РУССКИЙ ХАРАКТЕР. Отличительная черта русского национального характера – большая нравственная амплитуда. В русском человеке могут одновременно ужиться высочайшие духовные качества, приближающие его чуть ли не к святости, и самое низкое свинство. Сравнить русский характер с характером западного человека – характером более ровным, – нельзя не выделить одну русскую черту, на которую указывал еще Достоевский и которая перевешивает все западные добродетели: русский человек хоть и грешит иногда самым грязным и низким образом, но в душе своей никогда не признает грех нормой; он скорее примет вину на себя, сознается в собственном падении, но не понизит идеала, не назовет греховный поступок естественным.

Запад же пошел по пути окультуривания животных начал в человеке. К примеру, человеческую физиологию на Западе пытаются сделать если не привлекательной, то терпимой – достаточно хотя бы сравнить отношение русских и западных людей ко всему, что касается «вопросов пола», или состояние отхожих мест в России и на Западе. (Причины нашего «отставания» в этой области не только экономические: нашему человеку скорее придет в голову придумать космический летательный аппарат, чем унитаз.) Запад старается убажить тело, договориться с ним, сделать из него своего союзника, превратить в источник наслаждения. «В здоровом теле – здоровый дух!» – сказано европейцем.

Русский человек воспринимает тело как нечто чуждое, враждебное духу. В русском понимании «грешное тело» побуждает своего владельца соответствовать дарвиновским законам, использовать преимущества, которыми человек обладает, лишь для достижения лучших успехов в борьбе за существование. Русские люди всегда полагали, что, угнетая плоть, можно достичь духовного просветления, приблизиться к Богу. Вспомним хотя бы многовековую практику соблюдения постов на Руси или существование всевозможных сект вроде скопцов, хлыстов и других.

Распространенный в нашем народе метод освобождения от телесной оболочки (метод пассивного ей сопротивления) – алкоголь. (Кстати, заметим: традиционный русский алкогольный напиток – водка – совершенно не вкусен, скорее наоборот, но зато чрезвычайно эффективен в смысле борьбы с «врагом» – это именно тот «клин», при помощи которого вышибаются другие «клинья».)

Тут стоит привести характерную цитату из Высоцкого – человека, очень русского в своем творчестве. Стихотворение начинается так:

«Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень, —
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками».

Сущность этого «мохнатого жлоба» поэт объясняет словами:

«...он плоть и кровь, дурная кровь моя», —

свое же отношение к нему выражает следующим образом:

«...мне тесно с ним, мне с ним не вмоготу!» —

и:

«...Я себе мгновенья не прошу —
Когда меня он вдруг одолевает».

В конце концов, находится все-таки способ одолеть в себе «мохнатого жлоба» – способ тот самый:

«Но я собрал еще остаток сил, —
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
Пусть жрет, пусть сдохнет – я перехитрил!»

Развивая тему пьянства, вспомним также Шукшина. В шукшинских рассказах то и дело попадаются карикатурно описанные персонажи, которые – по долгу службы и по собственному побуждению – борются с пьянством и постоянно упрекают других шукшинских персонажей в пристрастии к алкоголю. В авторском отношении к этим «правильным» людям чувствуется враждебность; кажется, что если бы пьянствующие шукшинские персонажи послушались своих советчиков, призывающих к трезвости, и стали бы жить по их указке, то утратили бы что-то очень существенное и дорогое для автора. В рассказе «Вянет, пропадает», к примеру, описан человек, который бросил пить и «взялся за ум». «Взявшийся за ум» представлен автором в таком виде, что читателю становится очень жаль, что этот человек больше не пьет. Для Шукшина свинство пьяного человека явно предпочтительнее сознательного свинства трезвенника.

В данном случае нельзя забывать и о том, что шукшинское «оправдание» пьяниц происходило на фоне «развитого социализма». В условиях «торжества ленинских идей» пьянствующий человек представлялся Шукшину меньшим злом в сравнении с человеком успешным. В эпоху, когда Русский мир был «разрушен до основания», естественно, что сломались многие русские люди, утратив смысл существования. Ко времени же «развитого социализма» улетучились и надежды у многих из тех, кто верил в возможность построения на руинах «старого мира» обещанного «коммунистического рая». А потому эти сломавшиеся, неспособные к дальнейшей осмысленной жизни люди, несомненно, были для Шукшина ближе тех, кто на руинах разрушенной Родины продолжали успешную жизнь. Ведь в условиях торжествующего зла не так постыдно пасть жертвой этого зла, как становиться на его сторону. (Все это относится и к нынешней эпохе, когда на обширных пространствах некогда русской земли остатки Русского Дома разрушены и даже русский дух почти окончательно выветрился. Сегодня тоже есть очень много сломавшихся, и есть предостаточно тех, кто, ничуть не смущаясь вселенскими катастрофами и трагедиями нашего времени, находят удовольствие и в жизни теперешней.)

Будучи «отлучен» «прогрессивным» XX веком от Бога, русский человек, сталкиваясь с непосильными для себя испытаниями, приучился искать «спасения» в алкоголе. Пьянствующий человек очень не устраивал прежний советский режим. Он «предательски» выпадал из стройно марширующих колонн строителей коммунизма – поэтому режим с пьянством боролся. Думаю, что когда придет антихрист и «с цифрами в руках» докажет всем выгоду своего воцарения, то многие не поддадутся ему по той причине, что будут в это время в пьяном виде валяться где-нибудь под забором.

(1995)

* * *

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. Если задуматься о том, какая часть нашего народа более других повинна в тех бедах, которые в XX веке обрушились на наше Отечество, то непременно обна-

ружится, что наибольший вклад в постигшие нас несчастья внесла социальная прослойка, именуемая у нас «интеллигенцией» и объединяющая «людей умственного труда».

Главной же причиной всероссийского «горя от умов» стало то обстоятельство, что интеллигенция всегда была у нас наихудшей в нравственном отношении частью наших людей.

Ведь если с этой точки зрения попробовать сравнить образ жизни наших «умственных тружеников» с теми людьми, которых принято называть «простыми», то сравнение окажется не в пользу интеллигенции.

В прежние времена «простой человек» постоянно трудился, пребывая, таким образом, в положении, неудобном для всякого рода «грехопадений». По праздникам же, когда ненадолго освобождался от трудов и забот, он посещал церковь и молился – так что греху в его жизнь почти некуда было вклиниться. И даже в наши дни «простой человек» продолжает большую часть своего времени трудиться (правда, труд у него теперь не всегда физический и не всегда направлен на добрые цели). В свободное же время ему теперь положено «расслабляться» – для чего ему предоставлены телевидение, алкоголь, спорт и прочее. Таким образом, даже и сегодня «простой человек» только часть своего времени находится в положении, когда у него есть возможность дать волю своим недобрым наклонностям.

Что же касается интеллигенции, то занимаемое ею сейчас положение когда-то принадлежало людям духовного сословия, в основном монахам, которые почти все свое время молились или читали Слово Божье, неустанно боролись с собственными грехами и потому могли помочь в этом ближнему. Интеллигенция же, заменив постепенно собою духовное сословие и претендуя играть его роль, – берясь в числе прочего и за решение «духовных вопросов» и указывая народу путь, по которому ему надлежит следовать, – стала своеобразной подделкой сословия прежних наших духовных пастырей. А все подделки, как известно, рождаются в «ведомстве» того, кто и сам является «подделкой Бога».

Несмотря на возложенную на самих себя высокую и ответственную роль, наше «новое духовенство», – зарабатывающее «хлеб свой насущный» деланием умственной работы (далекой, как правило, от целей спасения), в остальное же свое время, как и «простые люди», отдыхающее и «расслабляющееся», – более других предрасположено ко грехам.

Даже если тот или иной представитель нынешней интеллигенции занят творческой умственной работой (в широком понимании этого слова, включающей, например, и труд полководца, государственного деятеля или организатора производства), всецело заполняющей его сознание, то эта работа в нравственном отношении уступает творческому физическому труду (к примеру, труду крестьянина). Ведь результаты умственной работы наших «творцов» служат, как правило, целям небогоугодным. Все это «творчество» сводится, по большей части, к замещению человеческими предположениями, намерениями и поползновениями Божьего Промысла, и направлено в конечном итоге на возведение «здания» безумной человеческой гордыни – «вавилонской башни» безбожной глобализации.

Если же речь идет о механической умственной работе, то жизнь подобного «умственного работника», в сравнении с теми, кто занят механическим физическим трудом (к примеру, рабочим у конвейера) и кто физически устает от своего труда, – представляет собою сплошную духовную праздность, создающую предрасположенность к тому, чтобы в этой «свободной», то есть не занятой ничем, душе поселился какой-нибудь бес.

Стоит заметить, что те, кто в свое время взялись перекладывать физический труд «на плечи машин» и одновременно боролись с религией, исходили (кто по наивности, а кто и по злему умыслу) из представления о положительной природе человека, не желая принимать во внимание ее поврежденность первородным грехом. Они сумели внушить доверившимся им «массам», будто человеку, чтобы «расправить крылья», достаточно лишь освободиться от всевозможных «оков». Тем самым эти «благодетели человечества» оказали неоцененную услугу

дьяволу, который легко пленял души, свободные от Бога или хотя бы от простой физической усталости.

Поэтому стоит ли удивляться, что результаты деятельности интеллигентского сословия, представители которого по своему образу жизни являются наиболее греховными из наших людей и потому более пригодными для разрушительной, чем для созидательной работы, оказались гибельными для страны.

(2007)

* * *

ХРУПКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. По поводу крушения Русского государства в октябре 1917 года Василий Розанов изумленно писал (в «Апокалипсисе нашего времени», в главе «Рассыпанное царство»): «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. <...> Поразительно, как она разом рассыпалась вся до подробностей, до частностей»².

Однако в том, что Россия так легко развалилась от дуновения революционного ветра, – свидетельство высоты, сложности, а потому и хрупкости строя тогдашней русской жизни – строя, удержать который требовало больших духовных и всех прочих усилий, а разрушить – проще простого: стоило лишь «расслабиться». Так праведнику какому-нибудь очень легко сбиться с курса своей праведной жизни, пойти по кабакам и притонам и стремительно скатиться на самое дно – в духовном, моральном, а после и во всех других отношениях.

В отличие от этого, строю жизни, ведущейся на самом дне, стабильности строя, основанного на самых примитивных инстинктах (к примеру, как сейчас в США), мало что угрожает, потому что далее уже катиться и опускаться некуда.

Поэтому сегодня исправить положение, в котором мы оказались, можно лишь за счет духовного напряжения и нравственного подъема, а также за счет мобилизации усилий – вроде тех усилий, которые пришлось затратить, чтобы после революционного развала восстановить страну и снова сделать великой. (Правда, нельзя не отметить, что коммунистам хоть и удалось впоследствии заново собрать и частично восстановить Русь, но на неизмеримо более низком уровне.)

Кстати, в этой связи нелишне вспомнить и процитированного Розанова. В том же «Апокалипсисе», в главе «Как мы умираем», он указывает на причины нашего развала, иллюстрируя «состояние умов» различных слоев русского общества следующим образом:

- «– Я только делал вид, что молился.
 - Я только делал вид, что живу в царстве.
 - На самом деле – я сам себе свой человек.
 - Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет.
 - Мне бы поменьше работать.
 - Мне бы побольше гулять.
 - А мне бы не воевать.
- И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.
- Земля – она должна сама родить.
- И уходит от земли»³.

Между тем сам Розанов, за шесть лет до всероссийского и за восемь лет до своего личного «апокалипсиса», писал в «Уединенном»:

² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 5.

³ Розанов В.В. Указ. соч. С.7.

«Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

– Ну? Ну?.. Хх...

– Это – что частная жизнь выше всего.

– Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

– Да, да! Никто этого не говорил; я – первый... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца. <...> (23 июля 1911)»⁴.

(2003)

* * *

ДРУГОЙ НАРОД. После того как в России в 1917 году произошла революция, в которой народ повел себя разрушительным образом по отношению к своей стране, многие вспоминали недобрый словом Достоевского, возлагавшего чрезмерные, по их мнению, надежды на «народ-богоносец».

Однако все критики Достоевского, которые и в революционные годы, и в наше несчастное время не обнаруживали и не обнаруживают у народа тех отрядных качеств, о которых писал Достоевский, забывали учитывать то обстоятельство, что Достоевский имел дело с совершенно другим, с православным народом – а не с теми «народными массами», которые в 1917 году явились на политическую арену в виде митингующих толп.

(2004)

* * *

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ. Интересно, что фамилия Пугачев происходит от слова «пугать» (притом, что такую фамилию не Пушкин ведь выдумал).

Надо было испугаться...

(2005)

* * *

ИСПЫТАНИЕ. Николаю II было послано такое же испытание, как и библейскому Аврааму.

Вера Авраама оказалась столь сильной, что он готов был уже принести в жертву Господу своего сына. Авраам выдержал посланное ему испытание. Жертвовать сыном, в конце концов, не пришлось. И Господь благословил Авраама: «...Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт 22 17–18).

Николай же поступил иначе, доверив вместо Господа Бога спасение сына Распутину. В результате и сына потерял, и сам погиб, и Россия погибла.

Даже такие, к примеру, «не святые» наши правители, как Петр I или Сталин, исходили из того, что в их положении – «отцов» для всего народа – детей на их попечении неизмеримо больше числа непосредственно ими рожденных.

(2000)

⁴ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 237.

* * *

ФАКТОР РАСШИРЕНИЯ. Громаднейшие территории оказались в пределах России главным образом по причине того, что огромное количество русских людей старалось подальше уйти от власти, предпочитая осваивать берега Тихого и Ледовитого океанов, заниматься хлебопашеством где-нибудь на Лене, нежели пребывать в умеренном климате, но в пределах досягаемости «отеческой заботы» властей.

Родимое государство очень часто было для русского народа страшнее лютых морозов, непроходимых болот, гнуса и прочего.

(1997)

* * *

РАСКОЛ. Если возвратиться к событиям, приведшим к расколу русского православия на «староверов» и «никониан» (то есть представителей главенствующей ныне православной церкви), и особенно к событиям, последовавшим после раскола, то нельзя не отметить, что в разгоревшемся противостоянии гораздо больше грехов записали на свой счет «реформаторы». Что же касается приверженцев «старой веры», то, став гонимыми, они, к сожалению, не удержались от «ветхозаветного» отношения к своим обидчикам, что и наложило определенные «ветхозаветные» черты на духовный облик старообрядчества.

Слабости и грехи тех, кто приняли реформы, стали дополнительным поводом к покаянию (другое дело, что каялись далеко не все и не всегда). Ведь ощущение человеком своей слабости, своей греховности, своего несовершенства, являясь своеобразной «школой смирения», более соответствует тому положению, которое и надлежит занимать человеку перед Богом. Сознательный свою вину грешник больше тянется к Богу, больше нуждается в Боге, в Его прощении и в Его помощи, нежели тот, кто уверен, что поступил праведно.

После раскола «никониане», взяв на себя ответственность за судьбу России, несли ее, греша и каясь, до наших дней и продолжают нести в наше время. Так что те черты России последних столетий, которые нельзя не любить, и ее духовные несовершенства, вызывающие к покаянию, – тоже результат их выбора.

Кстати, эта парадоксальная ситуация в чем-то напоминает ситуацию другого раскола – политического, – когда после 1917-го года политическая элита страны была расколота надвое и те, кто в братоубийственном конфликте в меньшей степени были повинны, – «белые» – вынуждены были покинуть страну, тогда как более неправые – «красные» – взяли на себя ответственность за судьбу русского народа, пережили вместе с ним многие лихолетья, победили в великой войне... В результате этого «красные», будучи изначально по отношению к нашему народу внешней силой, постепенно с ним стали срастаться, – так что на этом фоне позиция «белых» эмигрантов, на протяжении почти всего XX века не по своей вине обособленно живших на Западе, в стороне от всего того главного, что происходило за это время в русской жизни, стала во многом ущербной. Ибо часть организма, даже если это здоровая часть большого организма, отдельно от него существовать не может. Потому что можно отсечь и отбросить прочь больной орган, но нельзя отсечь и отбросить в сторону весь организм. Такая позиция (позиция обособившегося «здорового» органа) не может не быть ущербной. Она неминуемо приводит к нехристианскому отношению к остальному «больному» организму, которое зачастую проявляется в странном удовлетворении тогда, когда это удовлетворение неуместно. (Подобное отношение характерно для всех «оппозиционеров» вообще, от которых нередко можно услышать: «У них падение производства – а мы ведь предупреждали... У них голод – так им и надо! Почему нас не слушали...»)

Что же касается взаимоотношений приверженцев «старой» и «новой» веры, то за годы, прошедшие в их гибельном противостоянии, сторонники «старой» веры сполна проявили жертвенность (хотя и не смогли укротить свою гордость), тогда как их противникам досталось в удел смирение. Однако ни те, ни другие не преуспели в любви...

(2006)

* * *

РОССИЯ: ВЛАСТЬ И НАРОД. В России находиться у власти или к власти стремиться считается делом несправедливым: во-первых, кем-либо властвовать противно самому православному складу души, которая в большей степени обращена к Богу, а не на внешний мир; к тому же власть в России очень часто проявляла себя как сила, враждебная собственному народу, и потому ушедший во власть воспринимается как перекинувшийся на вражескую сторону. За власть хватаются обыкновенно те, кто пустились уже во все тяжкие. По этой причине, после того как в России в XX веке возник более-менее свободный доступ к власти, у руля государства неизменно оказывались люди недостойные, позорящие Россию перед миром. Так что в отношении России известный тезис о том, что всякий народ заслуживает своих правителей, вряд ли можно применять в осуждающем смысле: власть в России потому и плоха, что народ слишком хорош.

Вообще, то, что величественной птицей-тройкой, каковой является Россия, правит всегда не кто иной, как Чичиков, способно сбить с толку не одного лишь шукшинского персонажа, который «забуксовал», столкнувшись с этим противоречием.

Утверждение о жертвенности, бескорыстии и прочих отрадных качествах русского народа может показаться спорным. Объяснение русского бескорыстия, столь часто проявляемого в международных делах, многие склонны искать в извечном деспотизме российских правителей и – как следствие – неучастии народа в «большой политике».

Однако дело тут не столько в правителях, сколько в самом народе. Что же касается народа, то если даже вспомнить советские времена, которые у большинства на памяти, нельзя не отметить, что все внешнеполитические «подвиги» наших коммунистических правителей неизменно преподносились народу под особым соусом. Когда, к примеру, эти самые правители вознамерились развести прямо перед носом у своего заклятого врага, США, «революционную Кубу», то народу ведь не объясняли, что США, мол, наш враг и потому мы делаем ему ловкую пакость, – народу внушалось, что кубинцы страдали от империализма и классовых угнетателей, поднялись на борьбу, обрели свободу, но им трудно – и мы им помогаем... Никто ведь народу никогда не говорил, что в том или ином месте земного шара – «сфера наших жизненных интересов», – упор делался именно на то, что мы живем лучше всех и помогаем другим, потому что другим плохо. Только таким образом и возможно было объяснить все дело этому народу, в расчете на его поддержку. А то, заявив власть об «интересах», обязательно последовал бы ответ (явный или в форме «пассивного сопротивления»): «Ладно, ну их, этих ангольцев (кубинцев, вьетнамцев...)! Какие у меня там интересы...» Объявив же, что совершается благородное дело, власть получала моральное право требовать с каждого: «А ты почему уклоняешься от благородного дела?!» И этот каждый не чувствовал за собой морального права возражать (если, конечно, ему не удавалось каким-то образом разоблачить лицемерие самой власти).

Как бы то ни было, но народ наш даже в безбожные советские годы жил в атмосфере «героизма и подвижничества» (хотя очень часто ему приходилось бороться за элементарное выживание) – а такая жизнь, безусловно, выше и заслуживает большего уважения, чем жизнь, посвященная защите своих интересов, борьбе за осуществление своих прав и удовлетворение своих потребностей.

И что из того, что власти оказались не на высоте собственных деклараций, опустившись, в конце концов, до примитивного воровства и предательства. Они лишь в очередной раз подтвердили справедливость евангельских слов о том, как трудно богатому попасть в Царство Небесное. Богатство, само по себе не являясь грехом, рождает многие соблазны и страх этого богатства лишиться, тем самым затрудняя обладателю богатств путь к праведной жизни. Приблизительно то же случилось и с нашими властями советского периода: им было доверено народное достояние, им были предоставлены власть и относительная свобода – все для того, чтобы сподручнее было «служить народу», – и перед напором таких соблазнов они не устояли... Они явились своего рода жертвами, задавленными соблазнами и обращенными в свинское состояние: они обречены были всю жизнь подличать и лицемерить – ради только того, чтобы, спрятавшись от народа за высокими заборами, втихаря поглощать жирный кусок.

Очень понятно, почему в наши дни так для них важно добиться ослабления Православия и перемены всего духовного климата, привычного для России; особенно их раздражает неприятная склонность русских людей к моральным оценкам... Зато либерализм, плюрализм и т. п. чрезвычайно удобны для тех, кто, поступив по-свински, желает вытребовать себе после всего «права человека» (в том числе и неотъемлемое право на неприкосновенность собственности), чтобы далее можно было бы со спокойной совестью пользоваться награбленными богатствами.
(1998)

* * *

«О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ». Россию часто укоряют в том, что у нас «закон что дышло», что русские люди привыкли жить не по законам, а «по понятиям». В этой связи многие продвинутые в западном направлении новые наши правители провозглашают намерение добиваться в России «диктатуры закона».

Однако, помимо всего прочего, на наше нежелание жить строго по законам существенно повлияло то обстоятельство, что мы на протяжении едва ли не всей нашей тысячелетней истории воспитывались как христианский народ. И потому всегда предпочитали, даже в советские годы, во времена гонений на христианскую веру, поступать не столько по закону, сколько по правде. Русский народ всегда, сознательно или неосознанно, следовал завету митрополита Иллариона, который еще в начале нашей истории противопоставил ветхозаветному Закону – Истину и Благодать Христову.

И дело не столько в неумении нашем жить по закону, сколько в упорном нежелании ограничиваться одним законом. Ведь всякая законодательная система в духовном смысле является наследницей ветхозаветного законничества, тогда как мы – народ новозаветный, христианский, понимающий или неосознанно ощущающий, что помимо законов и выше законов есть Благодать Правды Божьей. И потому, кроме законов, народ наш склонен судить еще и по совести, руководствуясь заложенным в нас Господом внутренним ощущением этой Правды.

Вместо мертвых и формальных законов, разграфивших на категории человеческие преступления перед обществом и перед другими людьми, в соответствии с которыми человек получает за свои преступления наказание в виде заключения под стражу на какое-то количество времени, мы предпочитаем судить по неким неопределенным «понятиям», ставя во главу угла ощущаемую нами степень преступности данного человека. Поэтому если мы чувствуем, что человек не совсем «пропащий», то вместо предписанной в законах «неотвратимости наказания» часто склонны по-христиански ему прощать. Особенно это касается тех случаев, когда «смягчающие обстоятельства» преступника нам известны.

В других же случаях очень часто, когда дело касается преступлений, за совершение которых законом предусмотрено сравнительно небольшое наказание, наши люди высказываются за всякого рода «драконовские меры», требуя «стрелять», «вешать» и т. п. Это происходит, опять

же, потому, что они учитывают не только формальную сторону дела, но и степень нравственного падения преступника, губительные последствия этого преступления для всего народа, а также сопутствующую преступлению степень цинизма и надругательства над нашими устоями и святынями, на которых испокон веков держалась наша жизнь, то есть учитывая все то, что не может быть учтено формальной схемой. И они, по большому счету, правы, если принять во внимание хотя бы то, что все содеянное над нашим народом за последние два десятилетия делалось в основном в рамках существующих законов, не поспевающих за скоростью наших «преобразований» и неспособных охватить все многообразие явлений «переходного периода» (а иногда и намеренно сформулированных таким образом, чтобы «не замечать» многих преступлений, особо «близких сердцу» наших власть предержащих).

Конфликт между мертвым законом и той живой правдой, которая выше закона, нашел свое отражение в культовом советском фильме «Место встречи изменить нельзя». Авторы литературного произведения, по которому был поставлен этот фильм, люди западнического, либерального склада, ратовали в своем произведении за «диктатуру закона». Главный герой детективного романа, милиционер Шарапов, страстно убеждал своего оппонента в необходимости руководствоваться исключительно законом, не допуская отклонений и импровизаций. Однако жизненная правда, которую отстаивал его оппонент, капитан Жеглов, превратившийся благодаря обаянию и таланту Владимира Высоцкого, сыгравшего эту роль, из второстепенного персонажа романа в главного героя фильма, оказалась выше закона. Капитан Жеглов в своих действиях руководствовался в первую очередь не законом, а высшей справедливостью. Ведь как можно измерить мертвым законом беды и страдания нашего народа, пережитые за годы страшной войны, и степень циничности тех, кто наживался на этих бедах?! И именно эта позиция нашла сочувствие у подавляющего большинства наших телезрителей.

Кстати, возвращаясь к советскому времени, стоит заметить, что самым ненавистным тогда типом человека был бюрократ. А бюрократ – это тот, кто поступает строго по закону, но делает это формально, не учитывая высшей правды.

В отношении законов следует поступать так, как заповедовал поступать Христос по отношению к Закону Ветхому: «не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5, 17). Исполнить по духу, а не по букве, как фарисеи.

То, как следует относиться к законам, зависит еще и от состояния общества, от того, какие болезни этого общества следует лечить в первую очередь. Если общество (или отдельные люди) в нравственном отношении выше законов, по которым им предписано жить, то тогда оправдано свободное отношение к законам, как к своего рода ориентирам.

Но бывает наоборот. И в таком случае такому обществу (или отдельным людям) полезна «диктатура закона». Вспомним, как наши власть предержащие в конце XX века воспользовались нежеланием народа втискиваться в законы и стали попирали закон ради своей выгоды. Они охотно руководствовались принципом «что не запрещено – то разрешено», рассчитывая на то, что если «диктатуры закона» нет и нет опасности быть схваченным за руку – то, стало быть, можно и воровать.

А потому свободное отношение к законам оправдано лишь в одном случае: если законы отменены христианским отношением к делу... Отступление же от законов, без христианского отношения к проблеме, может обернуться торжеством зла и беззакония, ибо отказавшиеся от Христа начинают служить дьяволу.

Нечто подобное произошло с нами совсем недавно. Отменив советскую «диктатуру закона», однако не став христианами, мы на десятилетие погрузились в «диктатуру беззакония», выход из которой российские власти видят, к сожалению, в установлении новой «диктатуры закона», не более того...

(2008)

* * *

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА. Столыпин пытался создать из нашего человека трудолюбивого «русского американца», способного завалить нашу, и не только нашу, страну хлебом, маслом и прочими «продуктами народного потребления».

Однако «американец» – это далеко не лучшее из того, чем уже был русский человек и что можно, вообще, создать из русского православного человека.

Столыпин хотел реформировать тютчевские «бедные селения» – тот самый «край долготерпения» (и жертвенности, благодаря которой создавалось величие России), край, который «в рабском виде Царь Небесный исходил, благославляя». А русский народ, бывший единым целым и не искавший в мире ничего, кроме спасения души ради обретения Царства Небесного, Столыпин хотел превратить в сообщество индивидуумов, ищущих всегда своей выгоды и плодящих вокруг себя амбары и элеваторы, которые в Царстве Небесном без надобности.

Столыпин хотел сделать из русских буржуев, но высшее призвание русского человека – воплощать христианский идеал, а христианство – вера не буржуйская...

Что же касается наших «американцев», то при всех их похвальных качествах из них в трудные для страны времена гражданской войны как-то очень легко получались сепаратисты.

А накануне войны Великой Отечественной этих самых «американцев» пришлось, загоняя в колхозы, насильно заставлять служить общим интересам, потому что по своей воле они делать этого не хотели...

Вообще же, в православном государстве, каковым являлась и должна являться Россия, и хозяйственное устройство должно быть подчинено духовным, христианским целям, а не безумному желанию любой ценой заработать побольше денег.

Ясно, что в столыпинское время землепользование было неэффективным, сделавшись тормозом для развития сельского хозяйства. Причина была в том, что к этому времени ухудшилось духовное состояние русского человека, так что даже в среде крестьянства возникла некая критическая масса тех, у кого не было уже «интереса» должным образом трудиться над своим участком земли, вкладывать в него свои силы и средства, зная, что этот участок вскоре придется уступать другим землепользователям. (Хотя именно в этом один из главнейших рычагов общинного воспитания человека, формирующего его душу в православном, соборном направлении.)

Однако выход из противоречия, возникшего между православным по духу общинным способом хозяйствования и крестьянином, утрачивающим православное мировосприятие, следовало бы искать вовсе не в разрушении общинного землепользования и не в замене христианской мотивации к труду мотивацией, основанной на жадности и корысти. Выход был – в православном воспитании народа, в приведении его духовного состояния в соответствие с общинными формами жизни.

А для этого должна была возрасти роль церкви в жизни общества. Должно было измениться положение, возникшее во взаимоотношениях церкви и государства после «реформ» Петра I.

Все это, впрочем, не исключает того, что для духовного исцеления какого-нибудь лентяя или группы подобных лиц вполне можно было бы учредить нечто вроде «Столыпинской реформы», выделив данному индивиду для «исправительных работ» какой-нибудь хутор...

Но не для всей России...

(2008)

* * *

ИОАНН ГРОЗНЫЙ. Значение Грозного, помимо прочего, и в том, что всеми своими безумными казнями он существенно приумножил главное достояние России – увеличив число мучеников и святых.

(2008)

* * *

«ДЕЯНИЯ» ПЕТРА. Петр I, перенеся столицу России из Москвы в Петербург (в том числе и столицу духовную), дерзнул поправить формулу «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать», в которой был выражен смысл нашего существования в мире.

«Дело» Петра отменили большевики, возвратив столицу обратно в Москву, руководствуясь при этом своими коммунистическими соображениями; самих же большевиков по прошествии времени «отменили» либералы, которые, в свою очередь, вскоре «самоликвидировались»...

Как пел Высоцкий: «Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела».

(2011)

* * *

НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО. Над развалом России не только денно и нощно трудятся ее многочисленные внешние недоброжелатели, не только значительная часть оппозиции российской власти внутри страны, но и, очень часто, сама российская власть. И часто – вполне сознательно, желая возвести на месте России нечто новое. (Как тут не вспомнить, к примеру, начальный период правления большевиков или правление послеперестроечных «демократов».)

Но – при всех совместных усилиях – развалить все равно не могут...

(2007)

* * *

ВЫГОДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ. Казалось бы, как можно, особенно в наше время, превозносить Россию перед Западом? Какие и в чем могут иметь преимущества «эти бедные селения, эта скудная природа» перед упорядоченным, преуспевающим, благополучным и самодовольным западным миром? Преимуществ никаких, кроме одного: те, кто беднее, несчастнее и забитее, те, кому труднее, кто больше мучится и страдает, ближе стоят к Богу. Потому что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие».

Человек, живущий в страданиях, предпочтительнее выглядит перед Богом, чем человек, получающий от жизни удовольствия; бедный и страждущий поневоле не сталкивается с теми препятствиями на пути в Царство Божие, которые подстерегают богатого.

И тот, кто обманут, находится в предпочтительном положении не только в сравнении с тем, кто совершает обман, но и в сравнении с тем, кто способен уберечь себя от обмана.

И потому мученическая судьба России в XX веке, многократно подвергавшейся надругательствам и разорениям, потерявшей в кровавых войнах десятки миллионов человек, делает Россию странной особенной, более других готовой к тому, чтобы следовать по пути, указанному Христом.

Всякий, кто в своей жизни прислушивается к голосу совести и оценивает происходящее с христианской точки зрения, не может не знать, что обретение благополучия отдаляет человека от того душевного состояния, которое соответствует духу христианства.

Возможно, что в этом одна из причин интуитивного отталкивания русских людей от западного пути, ведущего к благополучию; когда же им предлагают предъявить, в чем выгоды и преимущества русского пути, они не умеют внятно доказать свою правоту.

Впрочем, и доказавшие свою правоту вряд ли ближе стоят к Богу, чем те, кого в этом мире признали неправыми. Ведь в этом мире удел всех побеждающих, торжествующих, обличающих – носить лавры, – а это занятие немало отвлекает от осознания тех истин, которые завещал нам Христос. В этом смысле в значительно более выгодном положении находятся те, кому вместо триумфов досталось выносить всеобщее презрение...

(1997)

* * *

«НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА». Как известно, для достижения успеха в таких направлениях человеческой деятельности, как политика, дипломатия, «построение правового государства» и т. п., христианские добродетели совсем не обязательны, скорее, наоборот. Ведь даже «правовое государство» возникает не столько благодаря «усилиям доброй воли», сколько является определенным равновесием, достигнутым в многовековой борьбе эгоизмов; равновесием, при котором максимальное число социальных групп и слоев получает возможность отстаивать свои интересы. И кстати, более чем сомнительно, смог ли бы кто-либо из христианских праведников или людей этого типа (да и вообще лучших в нравственном отношении людей) победить на теперешних демократических выборах в любой из «христианских» стран. Поэтому из цивилизованных и культурных народов тот народ, который менее других продвинулся на указанных направлениях, – русский народ – с христианской точки зрения может быть поставлен выше других народов.

И когда Запад, умело орудуя средствами политики и дипломатии, раз за разом обходит Россию на международной арене, то, помимо горечи и досады, где-то в глубине души теплится еще и чувство гордости: за то, что мы в делах неправедных не преуспели...

Нелишне вспомнить, что согласно Христову учению лучше быть битым и обманутым, чем бить и обманывать самому. Да и относительно интересов все обстоит непросто. Ведь то, что в разное время приобретала Россия, заботясь о своих интересах, – рано или поздно от нее отпадало; тогда как то, что Россия приобретала, жертвуя и давая, прочно к ней прикипело и останется с ней навеки. И именно способность русских людей не замыкаться на собственных корыстных интересах, а думать о всеобщем, страстное искание правды и справедливости, столь часто проявлявшиеся в русской жизни и запечатленные русской литературой, – именно это и привлекало к России множество сердец во всем мире.

(1997)

* * *

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ. Попытаемся оценить, как поступали русские люди хотя бы в последнем, столь трагическом для России столетии, главные события которого у многих еще на памяти.

Во-первых, поверили в проникнувшие с Запада теории о возможности построения общества, основанного на равенстве и братстве (без чего просто свобода им была не мила), – в теории, на которые сами западные общества хором ответили: «Дураков нет!» Поверили массово,

большинством народа – что в конечном итоге и предопределило воплощение этих теорий «в жизнь».

При этом последующие поколения «строителей коммунизма», веря, что общество, в котором им выпало жить, – самое справедливое и передовое на Земле, не стали обособляться в «одной, отдельно взятой стране» (как обособляется Запад от «третьего мира» и от нас, ставших теперь «третьим миром»), а охотно делились своим «счастьем» с другими (речь тут, конечно, идет не о советских правителях, которые под видом «братской помощи» развивающимся странам расширяли «сферы влияния», а о народном восприятии нашей внешней политики).

В итоге же спасли мир от коммунизма, выступив в роли подопытных существ, на которых было испробовано это «лекарство» от социально-экономических язв. Мир убедился, что «лекарство» не годится. А судьба состоятельных классов России послужила наглядным уроком для состоятельных классов других стран на предмет того, что с неимущими в своих странах лучше делиться... Нам же этот опыт обошелся в миллионы жизней...

Заодно – и снова ценою многих миллионов жизней – спасли мир от Гитлера, которого вряд ли что-либо могло вообще остановить, кроме именно такой тоталитарной державы, не считающейся ни с какими жертвами. Впрочем, очень возможно, что наши потомки через пару поколений о том, кто победил фашистскую Германию, даже и знать не будут. Потому что уже сейчас, несмотря на свежую память, имеется слишком много охотников разъяснить, «как было дело»...

Обратимся теперь к событиям сравнительно недавним. Уже в наши дни народу, разделенному при большевиках на русских, украинцев и белорусов, популярно разъяснили, что одна его часть – то есть русские – является колонизаторами, а две другие части – украинцы и белорусы – жертвами колониализма, – а посему им положено всеми силами стремиться разорвать «колониальные пути». И когда украинцы (а с ними и остальные «братские народы» бывшего Союза) изъявили желание заполучить ту самую свободу, которой, как выяснилось, их вероломно лишили, то русские в массе своей не стали этому противиться, простодушно рассудив, что негоже притеснять братьев, раз, оказывается, они терпят от нас притеснение.

И хотя в Чечне дело все-таки дошло до стрельбы, но у русского солдата, которому приказали стрелять по чеченцам, требующим свободы, не нашлось достаточных мотивов, чтобы делать это «на совесть». Стрелять «по велению сердца» он не мог, а «по долгу службы» – не захотел (хотя другие, в других странах, «по долгу службы» точно бы стреляли), а потому и стал возможен невероятный почти феномен, когда одна из сильнейших в мире армий проиграла войну каким-то «банд-формированиям». Вся разгадка этого сенсационного поражения именно в том, что у русского народа в решающий момент не оказалось достаточной жадности, эгоизма, жестокости и других качеств, необходимых для того, чтобы «победить» в неправом, как он считал, деле⁵.

Кстати, сами лидеры чеченского сопротивления (на протяжении всей военной кампании кричавшие на весь мир о жестокости федеральных войск), став полновластными хозяевами Чечни, сразу же ввели в своей державе показательные расстрелы, честно признавшись, что никакими другими методами этот народ обуздать невозможно. А между тем федеральные войска, несмотря на все ужасы, которыми они ознаменовали свое пребывание на чеченской земле, все же до подобных методов «наведения конституционного порядка» были еще очень далеки...

(1997)

⁵ Исправить положение он смог лишь впоследствии, когда понемногу стала рассеиваться созданная СМИ вокруг Чечни демагогическая завеса. (Примечание 2010-го года.)

* * *

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. То обстоятельство, что русские очень часто в трудные моменты своей истории, вместо того чтобы консолидироваться, пускаются в изнурительные и бесконечные споры, объясняется, кроме прочего, еще и совестью и чувством ответственности.

Они осознают, что победа – это еще не все. Победа нужна не для того, чтобы возобладать над другими и властвовать, а для того, чтобы, победив, обустроить жизнь в соответствии со своим идеалом. И если обнаруживается, что претенденты на право обустроить жизнь далеки от верного понимания идеала или по своим качествам недостойны его воплощать, то возникает противостояние...

Хотя и «общечеловеческие» зависть, жажда власти, эгоизм, глупость и прочее тоже, конечно, присутствуют...

(2004)

* * *

ЗЕМНЫЕ БИТВЫ. Россия – страна необыкновенная. В мире ценимая и многими горячо любимая за то, что русский народ никогда не замыкался на исключительно материальных, земных интересах; всегда искал высшего смысла. Возможно, что и устроился он на земле не столь комфортно в сравнении с другими народами – оттого, что достижение комфорта никогда не являлось для него главной целью.

На фоне великой русской литературы с ее устремленностью к высшим истинам, поиском высшей справедливости, Солженицын возвысил голос за то, чтобы повернуть Россию на «земной путь»: чтобы во взаимоотношениях с другими странами Россия больше не поступала «себе в убыток», чтобы перестала, наконец, проигрывать «земные битвы». В работе «“Русский вопрос” к концу XX века» Солженицын осуждает извечное бескорыстное поведение дореволюционной России на международной арене. И вместе с тем отмечает, что большевики, не в пример дореволюционным российским правителям, легко выигрывали все внешнеполитические сражения благодаря своей бессовестности, цинизму и коварству.

Такая позиция Солженицына коренится в обстоятельствах его судьбы. Закалившись в смертельном испытании, которое выпало на его долю, Солженицын смог победить и советскую власть, и КГБ, и многое другое.

Примером своей жизни, историей своего персонажа Ивана Денисовича Шухова, который, не прибегая к низостям и подлостям, сумел прожить свой лагерный день, Солженицын дает нам надежду, что и вся Россия, пройдя через глобальные испытания, сможет повторить его судьбу и выжить, и победить...

Но только это будет не вся Россия. Сам Солженицын многократно отмечает, что в России ГУЛАГОВСКИХ (да и вообще, советских) времен осуществился «противоотбор» – и лучшие все же погибли. Как быть с духовными заветами этих людей, запечатленными в их жизненном выборе?

Вспоминается другой наш великий писатель второй половины XX века – Василий Шукшин. В написанном им незадолго до смерти и проникнутом глубочайшим раскаянием рассказе «Кляуза» повествуется о том, как автор «воевал», но не смог победить обыкновенную вахтершу; и о том, какие качества ему при этом пришлось проявить. Рассказ заканчивается словами: «Что с нами происходит?»

Конечно, Солженицын и сам активно, и не раз, призывал соотечественников ко всеобщему покаянию. В его произведениях множество покаянных страниц – и это, быть может, самые сильные его страницы, – однако не в этом все-таки основной пафос его произведений, которые более всего обращены к вопросам «как выжить?» и «как победить?» Солженицынские

произведения проникнуты редким для русской литературы оптимизмом, они подталкивают к жизни, так что покаяние на их страницах воспринимается как «прикладное», помогающее двигаться дальше.

Произведения же Шукшина написаны словно с точки зрения человека, сидящего где-нибудь на кладбищенской скамеечке и размышляющего о жизни; дающего отсюда, с этого главного, по сути, места, оценку тем или иным ее явлениям. Как в рассказе «На кладбище»: «Лично меня влечет на кладбище вполне определенное желание: я люблю там думать. Вольно и как-то неожиданно думается среди этих холмиков. И еще: как бы там ни думал, а все – как по краю обрыва идешь: под ноги жутко глянуть. Мысль шарахается то вбок, то вверх, то вниз, на два метра. Но кресты, как руки деревянные, растопырились и стерегут свою тайну. Странно как раз другое: странно, что сюда доносятся гудки автомобилей, голоса людей... Странно, что в каких-нибудь двухстах метрах улица, и там продают газеты, вино, какой-нибудь амидопирин... Я один раз слышал, как по улице проскакал конный наряд милиции – вот уж странно то!» Или в рассказе «Мечты»: «...Надгробия каменные, тесаные, тяжелые... Надписи на камнях – все больше купцы лежат. Сколько же купцов было на Руси!.. Тишина была на кладбище. Отторговали купцы, отшумели... Лежат».

А вот отношение Шукшина к земной жизни и к «ценностям» мира сего, выраженное излюбленным его персонажем, Степаном Разиным (Степан Разин – Фролу Минаеву): «Не пойму я только, Фрол: чем же уж тебе жизнь так мила, что ты ее, как невесту дорогую, берегешь и жалеешь? Поганая ведь такая жизнь! Чего ее беречь, суку, если она то и дело раньше времени от страха обмирает? Чего уж так жалко бросать? С бабой спать сладко? Жрать что ли любишь? Чего так вцепился-то? Не было тебя... И не будет. А родился – и давай трястись: как бы не сгинуть! Тьфу!.. Ну – сгинешь, чего тут изменится-то?»

Может быть, то, что Россия в смысле «земных побед» не самая удачливая страна, не так уж и плохо. Победа, несомненно, вещь приятная, но... Сможет ли Россия, одерживающая победы в «земных битвах», сохранить свою привлекательность для многих тех, кто ее любит? «Насильно» ведь «мил не будешь». Достижимо ли в этих битвах одерживать победы «праведными средствами», или придется все же прибегать ко «всем средствам», используя методы большевиков? И как бы, добиваясь побед, не растерять те черты, которые составляют неповторимое лицо России. Не останется ли от «победившей» России одно название, и не уподобится ли она тогда каким-нибудь Соединенным Штатам? (Возможно ли, вообще, человеку со стороны любить Соединенные Штаты или, допустим, Швейцарию.) Тут вспоминаются слова Ахматовой о том, что невозможно представить, чтобы Пушкин с дуэли ехал живой, а Дантеса везли бы мертвого...

Конечно, Солженицыну в его победах очень помогло ощущение правоты. Но если говорить о целом народе – то где взять на всех это ощущение? Имеет ли право народ, поддавшийся всем соблазнам этого века и разрушивший свои святыни, на подобную правоту?

Если в русском народе «солженицынские» настроения возобладают над «шукшинскими», то Россия перестанет поставлять миру, с одной стороны, святых, а с другой – нечестивцев; из нее исчезнут рубцовские добрые Фили, хотя, возможно, и ее «бесы» сменятся «мелкими бесами» – и она станет страной «как все».

И – как результат – получится то, о чем писал в свое время Высоцкий (в «Притче о Правде и Лжи»):

«Часто, разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.
Могут раздеть...» —

и дальше:

«Глядь, а конем твоим правит коварная Ложь!»

Владимир Соловьев в «Оправдании добра» писал: «... Народы преуспевали и возвеличились только тогда, когда служили не себе как самоцели, а высшим и всеобщим идеальным благам». Правда, эта дорожка завлекла нас однажды строить коммунизм во всем мире, но такое намерение следует все же признать более достойным, нежели те намерения, которыми руководствуются страны Запада, – скучно и монотонно, из года в год, из века в век, отпихивающие локтями тех, кто слабее, и жадно высматривающие, где бы воспользоваться чужим и увеличить свое состояние.

(1995)

* * *

О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ ЖЕРТВОЮ. Нелегкая русская история и опыт пережитых нами национальных трагедий часто вынуждают наших христиан метаться между «непротивлением» и «сопротивлением злу силою». Когда перед нами встают плачевные последствия «непротивления», мы хватаемся за «сопротивление силою». Когда обнаруживаем неправду в «сопротивлении силою» – снова впадаем в «непротивление»...

При этом мы забываем о подлинно христианском способе сопротивления злу – о сопротивлении жертвою.

(2008)

* * *

РУССКАЯ СИЛА.

«Вот он ударил – раз, два, три —
И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил».

Владимир Высоцкий, «Песня о сентиментальном боксере»

Русская сила в том, чтобы, не преследуя своих человеческих интересов, выполнять Божью Волю, сделавшись Орудием Господа. Классической иллюстрацией такой духовной позиции может служить победа Кутузова над Наполеоном, когда Кутузов, положившись на Волю Божью, предоставил Наполеону пожинать плоды им содеянного – отступить по той дороге, на которой сам он прежде все разграбил.

Война 1812 года в полной мере продемонстрировала победу Божьего над человеческим (победу старого и немощного Кутузова, ставшего Орудием Божьего Промысла, над Наполеоном – гением, который «сделал себя сам»).

Что же касается Бородинской битвы, то она в этом смысле не является опровержением, так как имела, скорее, значение символическое, – предоставляя возможность проявить жертвенность, отдать жизнь за Отечество и «за други своя»:

«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой.
Как наши братья умирали!»
– И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали

Мы в бородинский бой»

(Лермонтов, «Бородино»). (2009)

* * *

РУССКАЯ ИДЕЯ. В «русской идее» нет ничего опасного для остального, нерусского мира.

Ведь, в отличие от остальных «национальных идей», «русская идея» не эгоистична. Она христианская по своей сути и является попыткой воплощения христианского идеала. Русское величие состоит в духовном и ином служении остальному миру, представляя собой исполнение слов Спасителя, обращенных к ученикам: «... Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк 10, 43–44).

(2000)

* * *

РОССИЯ И «ОБИЖЕННЫЕ» НАРОДЫ. Россия – оплот православия в мире, страна исключительная, призванная выполнить в мире великую, христианскую миссию, которую, кроме нее, выполнить никто не может.

Поэтому все другие, живущие в России или рядом с Россией, народы обязаны бережно относиться к России и прощать ей, если она на своем великом пути как-нибудь нечаянно кого-то из них заденет, и даже если она, отклонившись на время (но не окончательно) от своего пути и впад в греховное состояние, поступит по отношению к кому-нибудь из них несправедливо.

(2009)

* * *

УСЛОВИЕ ПРОЧНОСТИ. Если русский человек откажется от осуществления своей христианской миссии и просто станет искать в жизни, «где лучше», то великое здание Русского Дома неизбежно падет. Ведь ради чего тогда живущие в нем представители других народов станут подгонять свои традиции под «русский аршин» и переименовывать свои имена на русский манер, называя себя Асланами Хасановичами или Махмудами Алиевичами...

(2016)

* * *

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО. Изобразив в романе «Бесы» Ставрогина – человека, который в молодости следовал православному идеалу, а после отошел от Бога и потратил полученные от Бога таланты на безобразия и преступления, – Достоевский тем самым предостерег весь русский народ. Ведь точно так же и вся Россия: если не пойдет по христианскому пути, то станет страной преступной, хуже других стран.

В этом смысле для России, потерявшей в начале XX века Бога, социализм был отчасти благом. При социализме население страны опустилось сознанием с мессианских высот до детского уровня и жило как в детском саду: под бдительным присмотром «взрослых» и забавляясь всякими безобидными «игрушками» вроде спорта... И даже цели перед собой это общество ставило «детские», со спортивным оттенком: добыть столько-то, намолотить столько-то, выплавить столько-то... – чтобы «догнать-перегнать» других. Так и удерживалось от преступ-

ных устремлений, которые его охватили сразу после падения советской власти. Правда, и после этого ограбленный олигархами народ долгое время помышлял лишь о том, чтобы выжить, так что было не до «баловства». Поэтому «коллективного Ставрогина» из России пока не вышло...
(2017)

* * *

БЫТЬ РУССКИМ. Для русского народа на протяжении большей части его истории главным нравственным ориентиром были христианские заповеди. Так что само его бытие являлось (и для значительной части русских является до сих пор) своеобразной попыткой воплощения христианского идеала. И эта попытка многократно увенчивалась великими подвигами во славу Христову.

Поэтому христиане всех стран и народов, соприкоснувшиеся с этой стороной русской жизни, не могут не стремиться к тому, чтобы поддерживать эту русскую традицию и продолжать ее, то есть к тому, чтобы подражать русской жизни и в каком-то отношении стать русскими. А так как «душа по природе христианка» (Тертуллиан), то они неизбежно будут относиться к России (к Вечной России – той, в которой воплощен христианский идеал) как к своей родине.

(2009)

* * *

БУДУЩЕЕ «РУССКОЙ ИДЕИ». «Русская идея» все равно восторжествует. Если ее не захотят воплощать сами русские, то ее воплотят другие: евреи, армяне, узбеки, немцы, китайцы и даже «негры преклонных годов» – все те сердца в мире, которые не смогут быть безразличны к высоте христианского идеала, выраженного в «русской идее» и нашедшего свое воплощение в жизненном подвиге многих русских людей и во многих эпизодах русской истории.

(2009)

II. Коммунистический соблазн

И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом.

Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим.
(Лк 4 3–4)

* * *

СОЦИАЛИЗМ. Социализм – богоборческая идея западного происхождения, основанная на эгоизме: вражде угнетаемых (крестьян, пролетариев) против угнетателей-хозяев.

Будучи перенесенной на русскую почву, эта идея продолжала культивировать эгоизм и вражду (даже там, где для этого не было оснований), раскалывая наш народ на враждующие части.

В итоге она сформировала у нас человека, воспринимающего других людей эгоистично.

После того как «угнетатели» были изгнаны и уничтожены, бывшие «угнетаемые» обратили свой эгоизм и готовность враждовать – друг против друга.

Таким образом, вирус эгоизма, проникший к нам под видом внешне благообразной, стоящей на страже социальной справедливости, социалистической идеи, постепенно раздробил наш народ на множество враждующих между собой сообществ – классов, партий, кланов, сект и так далее, что, в свою очередь, привело к расколу нашей великой страны на обособленные территории.

(2010)

* * *

ПАДЕНИЕ. Суть конфликта между Новой и Старой Россией, который был разрешен в ходе гражданской войны, – в том, что более высокие формы жизни в Старой России не соответствовали уже тому понизившемуся содержанию, которое было заключено в эти формы. То есть опустившееся и ставшее низким самосознание русских людей, утративших в массе своей веру в Бога, не могло уже удерживать прежних высоких форм жизни.

Представители же Новой России – сначала одни (в феврале), затем другие (в октябре) – поочередно предлагали для этого понизившегося содержания свои, все более примитивные государственные формы. В результате формы, предложенные в октябре, пришлись русскому народу как раз впору, что и обеспечило победу тем претендентам на власть, которые в октябре решили «попытать свое счастье».

Неправда же Новой России – и тех ее представителей, кто заявили о себе в феврале, и тех, кто пришли в октябре, – не только в том, что они явились с предложением низкого, но и в том, что все они немало поспособствовали понижению упомянутого содержания – для того чтобы оно больше соответствовало предлагаемым ими формам.

А это грех, в духовном отношении подобный тому образу действия, от которого предостерегал Спаситель, когда говорил «...Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается» (Лк 22, 22).

(2008)

* * *

СОБЛАЗНИТЕЛИ. Та «программа», с которой большевики в свое время вышли к народу, по сути, представляла собою не что иное, как предложение нарушить все Заповеди Христовы.

Нарушать же Заповеди гораздо легче, чем их исполнить.

В своеобразном «конкурсе» подобного рода предложений большевики сумели превзойти всех своих конкурентов.

Поэтому и победили.

(2010)

* * *

ТЫЛ ПРОТИВ ФРОНТА (ВОЙНА ГРАЖДАНСКАЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ). В одной из коммунистических газет, в статье, посвященной юбилею К.Е. Ворошилова, автор статьи в стиле «былинника речистого» повествовал, как прибывший в конце марта 1917 года из Петрограда в Луганск Ворошилов, возглавив фракцию большевиков в местном Совете, добился введения в городе 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы рабочим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.